

**Тема: Влияние специфики политического дискурса на проведение
устного перевода**

Оглавление	
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	6
1.1 Понятие дискурса.....	6
1.2 Особенности политического дискурса	13
Выводы к Главе I.....	27
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ	29
2.1 Ключевые характеристики политического дискурса, применимые для устного перевода	29
2.2 Анализ политической речи в устном переводе на примере европейских политиков	36
Выводы к Главе 2	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	47
СПИСОК СТЕНОГРАММ И ИСТОЧНИКОВ.....	48

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, с протекающими все более стремительно процессами глобализации и расширением возможностей для коммуникации, все более ощутимой становится потребность в грамотном переводе и передаче информации во всех сферах. Особенно это заметно в сфере политики, где от качества передачи информации зависит очень многое. Поэтому так важно исследовать особенности политического дискурса на разных языках для выявления элементов, при переводе которых могут возникнуть сложности, и нахождения путей для устранения этих сложностей.

Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена потребностью в совершенствовании теоретических оснований и практических методов и стратегий перевода в области политического дискурса.

Целью этого исследования является выявление и описание элементов французского политического дискурса, кажущихся потенциально сложными для перевода, и составление общих рекомендаций для недопущения плохого влияния на передачу информации этих сложностей.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

-
- Описать особенности французского политического дискурса, являющиеся потенциально проблемными при переводе;
- Составить классификации некоторых особенностей;
- Сделать прогнозы о вероятности появления тех или иных проблемных мест в дискурсе;
- Дать рекомендации по минимизированию проблем при переводе.

Предметом данного исследования является французский политический дискурс и его элементы.

Объект исследования – тексты выступлений Николя Саркози на французском языке в устной и письменной форме, их перевод на английский в письменной форме. Всего проанализировано три больших выступления общей длительностью около трех часов.

Теоретико-методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных специалистов в области теории перевода [И.С. Алексеева, 2008], коммуникации и риторики [Перевалова Е. А., 2020], а также теории дискурса и, в частности, политического дискурса [Т. ван Дейк, 1989], [Н.Н. Миронова, 1997].

Материалом анализа послужили записи и стенограммы трех речей Николя Саркози, произнесенных на различных мероприятиях (в том числе, международных встречах). Всего было проанализировано около 3 часов звучащей речи и 115 000 знаков с пробелами.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что были исследованы механизмы устного перевода, актуальные для современного политического дискурса, сравнивались разные методы перевода, что может послужить базой для дополнения существующих методик и рекомендаций для переводчиков.

Практическая значимость этой работы видится в том, что результатами исследования можно дополнить разные учебные пособия, многие из выведенных в этой работе особенностей перевода политического дискурса стоит учитывать при выполнении устного перевода.

Структура работы определена поставленными целями и задачами, работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Первая глава дипломной работы посвящена теории и проблематике политического дискурса и его роли в современном мире.

Во второй главе исследования описываются различные лингвистические методики работы с политическим дискурсом, проводится анализ выступлений французского политика Николя Саркози. Объектом исследования второй главы становятся записи речей Саркози на различных мероприятиях. Проводится анализ употребленной лексики, стратегий перевода, особенностей французского политического дискурса.

В заключении подводятся итоги проведённой работы, излагаются выводы, полученные в ходе исследования, и описывается дальнейший план работы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1 Понятие дискурса

Актуальность проведения исследований в области политического дискурса возникла в середине XX века в период зарождения политической лингвистики на территории США. Первые проводимые исследования были направлены на корпус дискурса, и оценке изменения количества лексических единиц в нем. Следует отметить, что такое исследование не описывало всю полноту картины дискурса с его вектором интерпретации имплицитной идеологии. В связи с чем в дискурсологии возник острый вопрос о проблеме функционирования языка, что в свою очередь является толчком для проводимых исследований в данной теме с позиции таких понятий, как «форма» и «функция». Впоследствии это стало опорой системного подхода в более поздних исследованиях.

В рамках лингвистики дефиниция «дискурс» имеет множество толкований. В. Демьянков считал, что данное понятие – текст, который представлен перед интерпретатором, его мысленным взором. Он считает, что «дискурс» представляет собой множество предложений или его фрагментов. В свою очередь некоторый «опорный» концепт или «топик дискурса» в большинстве случаев сосредотачивает вокруг себя содержание дискурса. Пропозицией называется последовательное содержание отдельных предложений – компонентов дискурса. Связь между такими пропозициями может существовать в виде логических отношений: конъюнкции (и), дизъюнкции (или), импликации (если – то) и др. Используя примитивные пропозиции интерпретатор вправе создавать общее значение, применяя новую информацию, которая предоставлена в очередном предложении, образующемся в рамках уже полученной предварительной и промежуточной интерпретации [Бондарко, 1984, с. 18-36].

В свою очередь М. Макаров отмечает, что одной из основных в современных науках, в частности коммуникативной лингвистике, является категория «дискурса» [М.Л. Макаров, 2003]. Так, исследуемая дефиниция может рассматриваться в различных вариантах трактовки и произношения, что создает некую идеологическую ориентацию с определенным фокусом воззрения на подходы изучения языка и коммуникации в целом. По Дебору Шифрину можно выделить три методологических подхода в толковании рассматриваемого понятия:

1) Первая позиция – формально ориентированная лингвистика. Согласно ей, «дискурс» – язык, уровень которого превосходит уровень предложения или же словосочетания [Schiffrin, 1994]. Также под данным понятием следует понимать взаимосвязь нескольких предложений, которые обладают смысловой связью между собой [Звегинцев, 1976, с. 12]. Данная позиция имеет негативный аспект, который выражается в том, что он не берет во внимание действия реального общения, что в следствии затрудняет процесс анализа. Такое замечание обязано тем, что данный абстрактный подход имеет приверженность к изучению функций составляющих языка и дискурса по отношению к другим элементам данного дискурса.

2) Второй подход – функциональная лингвистика. С этой позиции понятие дискурс рассматривается в следующих аспектах. Процессом изучения дискурса можно назвать исследование употребления языка в его разнообразии [Fasold, 1990, с. 353]. При необходимости «анализ дискурса» может быть тождественным понятию «анализ употребления языка» [Brown, 1983, с. 25]. Данная позиция исследования предполагает проводить анализ исходя из широкого социокультурного подхода, который предполагает наличие, как этических, так и эмических аспектов. Эмический аспект предполагает исследование всей широты функций, форм и составных элементов дискурса. В свою очередь этический – соотношение форм дискурса с его функциями.

3) Также дискурс можно интерпретировать, как взаимоотношение формы и функции, и наоборот, соотнеся понятие с «высказыванием» [Pecheux, Henry, Haroche, 1979, с. 8]. Так, согласно этому варианту, дефиниция «дискурс» не является простым набором одиноких составных единиц целостной структуры, которые в своем размере могут превышать предложение. Он представляется языковой системой, которая выражена совокупностью функционально организованных и контекстуализованных единиц.

Сторонники функционализма отмечают, что посредством выделения оппозиции возможно определить тенденции противопоставления понятия «текста» к дискурсу. Это замечание оправдано следующим сопоставлением: функциональность — структурность; динамичность — статичность; процесс — продукт; актуальность — виртуальность; дискурс, представленный, как процесс (функциональный) — текст, представленный, как продукт (структурный)

Видовая и типовая классификация дискурса выглядит следующим образом:

- Тематика может быть различной, от образовательной и религиозной до музыкальной;
- Сфера распространения или же источник может быть представлен, например, дискурсом власти, интернет-дискурсом или молодежным дискурсом и др.;
- Цели также могут быть различными, например, учебная, фактическая, манипуляционная и др.;
- Спектр стилей также широк, и может быть выражен, например, иронией, возвышением, поэтичностью и др.;
- Уровни представлены лишь в двух течениях: профессиональное и профанное.

Также при анализе можно выделять и иные виды классификации дискурса (по типу и жанру), но они обладают более узкой направленностью и тесным лингвистическим значением. Так, перечисленные выше типовые и видовые критерии считаются наиважнейшими при проведении исследования. Еще одним важным, но необязательным различием дискурсов по типам является парадигмальная принадлежность (антропоцентрическая, мистическая, культуросцентрическая, экстравертная и др.).

Канал передачи информации является традиционным основанием классификации. Так, на основании этих критериев дискурс может быть письменным или устным. На первый взгляд это неоспоримый факт, но этот аспект не столь однозначный. Такое замечание подкрепляется доводами, что в процессе беседы письменный дискурс имеет свойство переплетаться с устной коммуникацией. Например, при разговоре нескольких коммуникантов один из них может делать пометки, записи или же передавать (отправлять) фрагменты информации в письменном выражении. Исходя из этого, профессор Кашкин В. Б. вывел новый гибридный тип дискурса, который совмещает в себе элементы, как устного, так и письменного типа [Кашкин, 2004, с. 76]. Также, нельзя не отметить, что развитие инновационных технологий (информационных), в том числе средств коммуникации, приводит к возникновению совершенно новых способов общения. Используя это замечание, Юсупова Т. С. полагает, что необходимо выделить новый тип дискурса, базисом которого послужит электронный способ передачи информации. Характерными чертами рассматриваемого типа коммуникации является обмен краткими сообщениями посредством использования чатов, форумов, СМС. Такой тип дискурса отличается мгновенностью передачи информации, неформальной обстановкой, а также использование графических средств для отражения эмоций [Юсупова, 2010, с. 190].

В современном мире в научной среде однозначным является факт строения дискурса в таких двух формах, как монолог и диалог. Вследствие чего выделяют также две типологии дискурса: монологическую и диалогическую. Нельзя не отметить и третью форму дискурса, называемую полилогом, то есть общением нескольких коммуникантов. Типология выражается в особом типе дискурса, который проводится по аналогии с предыдущими двумя формами. Данную позицию заявляли и поддерживают некоторые ученые, в том числе профессор Кашкин, который в своих работах отмечает существование организации дискурса в форме полилога.

Ориентация дискурса, его предназначенность является немаловажным основанием в данной теме. Рассматривая его, следует отметить такие типы дискурсов, как персональный, то есть личностно-ориентированный, и институциональный, то есть статусно-ориентированный. В своей работе профессор Карасик В. И. дает оценку первому типу, как коммуникацию личностного характера. В примере он описывает ситуацию, где коммуниканты в ходе общения раскрывают свой внутренний мир, что дает им возможность воспринимать друг друга, как личности [Карасик, 2002, с. 477]. В данном типе выделено несколько разновидностей дискурса. Это бытовой и бытийный, в свою очередь бытийный может иметь представление философского или художественного вида.

Второй тип, напротив, отображает участников дискурса, как представителей разных общественных групп или ролей. Например, избиратель — политик; адвокат — судья, и др. Также стоит отметить, что институциональный тип дискурса носит такое название по причине принадлежности группы к определенному социальному институту. В свою очередь термин «социальный институт» трактуется, как инстанция, обладающая властными полномочиями, которая способна осуществлять распределение статусных ролей в обществе [Русакова, Русаков, 2008, с.

282]. Так, понятие «институционального дискурса» описывает рамки общения разных (противоположных) социальных типов, присущих определенным институтам и отражающих их определенную спецификацию.

Также в работе Карасика отмечено, что при институциональном типе дискурса возможно общение, при котором коммуниканты не знакомы друг с другом.

Общепризнанной является классификация дискурса согласно его направленности, но при этом множество вопросов остаются открытыми. Например, не определены пределы разграничения институционального и персонального типа дискурса, не отмечены рамки бытийного и бытового дискурса и т. д.

Теоретическое изучение дискурса предполагает использование позиции теории поля, где в каждом типологическом понятии необходимо выделить периферию и ядро. Так, периферией в большинстве институциональных дискурсов выступает включение элементов персонального дискурса, и наоборот [Фахрутдинова, 2008, с. 259-266]. Исследование институционального и персонального типа дискурсов в историческом контексте позволяет оценить степень их связи. Также можно увидеть, что персональный дискурс – первичен, институциональный, напротив, вторичен. В научной работе истинно отмечено, что человек институционален, а бытовой вид коммуникации не что иное, как генетически обусловленное общение, в котором в скрытом виде представлены особенности представительско-статусного уровня. Так, с отсутствием личностного начала в институциональное общение определяет коммуникантов, как безэмоциональных «манекенов», но при этом сохраняются границы того или иного общественного института, выход за которого влечет подрыв его существования [Иншаков, 2005, с. 854]. По аналогии, это применимо к бытовому, бытийному дискурсу. Так,

элементом бытийного в составе бытового можно выделить рассуждение коммуникантов на темы «жизни» и «вечного».

Также этот автор проводит исследования в области типологии дискурса по критерию прагмалингвистики. Для разграничения типов дискурса используются такие параметры, как: смысловая одноплановость и многоплановость, серьезность и простота общения, отвлеченность и конкретность тематики, конфликтность и бесконфликтность коммуникации, приоритет и содержание формы общения. Так, исходя из предложенных параметров, можно выделить следующие типы дискурса: многомерный и одномерный; этикетный и агональный; комический и серьезный; сценарный и несценарный; перформативный и аргументативный; фасцинативный и информативный (там же).

Рассматривая дискурс в разрезе необходимого структурного элемента, следует отметить, что он имеет определенную цель. Так, при помощи целей дискурса можно выстроить иерархию его жанров. Рассматриваемая классификация используется в философских исследованиях и не подразделяет жанры дискурса согласно лингвистическому пониманию и собственно дискурсом.

В данной теме для более глубоко изучения можно выделить гипотаксические и паратаксические дискурсы. Первый тип имеет представление в виде подчиненности промежуточной цепи главной. Например, обвинительная речь в зале суда. Второй тип можно охарактеризовать, как функционально неопределенный дискурс. Например, жаргонный разговор.

Рассматривая текст или конкретную ситуацию необходимо отметить текстуальный и ситуационный дискурс, соответственно. Первый представленный тип дискурса является закрепленным в текст, превращенным в него. Ситуационный, напротив, носит устный характер и может иметь представление в виде полемики, выяснения отношений и т. д.

Также ученые выделяют такую характеристику, как адресность и интернациональность. В этих понятиях подразумевается намерение коммуникации, а также ее толкование интерпретатором. Что касается характера адресата, здесь украинский ученый А.П. Загитко отмечает, что все дискурсы можно классифицировать по адресности и безадресности. Стоит заметить, что безадресатный дискурс также может быть назван общеадресатным или квазиадресатным. Базисом такого мнения выступает факт направленности информации не на конкретную личность, а на участников коммуникации в целом. Данный тип может иметь представление публицистического, художественного и научного дискурса. Направленность адресатных дискурсов четко обозначена, и имеет определенного интерпретатора [Загитко, 2008, с. 194].

Исходя из вышеперечисленных фактов, мы можем сделать вывод о том, что при классификации видов дискурса по описанному разнообразию критериев целостная картина представляется довольно пестрой. Также создание полного списка типологии дискурса невозможно. Это замечание оправдано объективной сложностью представленного явления. Стоит отметить, что дискурс как феномен предстает в виде континуума (в теории поля), где различные рассмотренные его типы множественно пересекаются и перетекают друг в друга. Разработка типологического ряда необходима лишь для разрешения конкретной исследовательской работы. В практическом виде, реальности, все может предстать по-иному. Например, институциональный дискурс может иметь не только письменный вид, но и устный, быть не только монологическим, но и диалогическим, содержать в себе бытовой и бытийный дискурс и т. д.

1.2 Особенности политического дискурса

Политическая лингвистика – наука, которая появилась относительно недавно. Она вобрала в себя черты таких дисциплин, как:

этнография, психология, культурология, политология, социология, лингвистика, а также и некоторых других наук гуманитарного профиля. Объектом исследования политической лингвистики выступает политическая коммуникация. Для описания ее механизмов применяются достижения как когнитивной, так и функциональной лингвистики, к которой относятся: лингвистика текста и социолингвистика, стилистика и риторика, лигвопрагматика.

Рассматривая термин «дискурс» со стороны социолингвистики, его содержание может быть раскрыто как общение людей, которые относятся к определенной социальной группе с позиции их принадлежности к данному социуму или же к конкретной поведенческой ситуации. Так, например, политический дискурс характеризует общение людей, чаще политиком и иных власть имущих лиц, в области и на темы, актуальные в политической сфере.

Под анализом политического текста необходимо понимать процесс исследования воздействия различного рода факторов на политический текст и их восприятия его адресатом. Такие факторы могут возникать в различных сферах: политической, экономической общественной, языковой и прочих, а также создавать у реципиента различный характер восприятия преподносимой действительности.

В современной литературе в области лингвистики понятие «политический дискурс» рассматривается как сложная система, которая представляет собой комплекс разноплановых элементов. Исследуемый термин может быть раскрыт как общая совокупность речевых актов, что были использованы в процессе ведения политических дискуссий, в число которых входят правила публичной политики, что были заложены традициями и проверены многолетним опытом [Шилина, 2017, с. 117]. Следовательно, характер и особенности ведения политического дискурса могут быть различны в зависимости от места его осуществления и

убеждаемой аудитории. Кроме того, от данных особенностей зависит содержание и направленность речи оратора.

Продолжая изучение проблемы определения содержания дефиниции «политический дискурс», необходимо отметить, что в современной литературе в области лингвистики он используется в разрезе двух значений: широкого и узкого.

В широком своем понимании изучаемый термин характеризует любой дискурс, который имеет какое-либо отношение к политической сфере: в части субъекта, адресата либо тезисов. Если говорить о политическом дискурсе в узком смысле данной категории, то ее необходимо рассматривать как один из видов дискурса, который ставит своей целью завоевание политической власти, ее сохранение либо осуществление, а также удовлетворение политических амбиций субъекта. Профессор Н.Н. Миронова под политическим дискурсом понимает «совокупность текстов, отображающих политические стратегии государства, отдельных партий и течений» [Миронова, 1997, с. 50]

Главной особенностью политического дискурса является намерение субъекта убедить адресата в чём-то и склонить его к каким-либо действиям. Он не ставит своим предназначением описание чего-либо. Следовательно, эффективность политического дискурса может быть оценена лишь относительно достижения его главной цели – убеждения.

Язык – основа политической власти. Он помогает войти в доверие к человеку, как при помощи достаточно простых приемов (ассоциирование себя с адресатом с использованием местоимения «мы»), так и более сложных – манипуляции (посредством «игры слов», например). Термин «манипуляция» в исследуемом аспекте необходимо понимать как процесс навязывания реципиентам своего мнения и взглядов, что вначале дискурса могут считаться для адреса ложными. Это

реализуется путем применения субъектом языковых приемов, позволяющих снизить критичность мышления.

В условиях демократизации общества лингвистика позволяет завоевывать и удерживать власть. Кроме того, она позволяет сформировать нужные ее субъекту течения и изменить общественное мнение. Тогда, язык – это средство контроля государства над социумом.

Изучая проблему функционирования языка в политическом дискурсе, необходимо рассмотреть два аспекта, которые могут быть сформулированы как язык власти и власть языка. Так, язык власти – это характер общения власти с обществом, ее языковые средства и приемы. Он относится к предмету изучения «чистой» лингвистики. В то же время, под властью языка необходимо понимать способы воздействия данных приемов и средств на сознание людей. Это и выступает предметом исследования политической лингвистики.

Современную лингвистику сложно представить без наличия такого термина как «языковая личность», который был введен в использование Ю.Н. Карауловым. По его мнению, сущность под исследуемой дефиницией понимается человек, который обладает способностью не только воспринимать, но и создавать тексты, что отличаются степенью структурно-языковой сложности, а также точность и глубиной отражения фактов и целевой направленностью [Ю.Н. Караулов, 2007].

В теоретическом плане языковая личность представляет собой сборный образ, что аккумулирует в себе речевые личности, а также является неким обобщенным типажом его составляющих. В то же время речевая личность – это человек в реальном общении, характеристики, присущие ему при ведении выступлений и дискурсов.

Среди языковых личностей необходимо выделить такую парадигму как коммуникативная личность. Она характеризуется как общая совокупность черт вербального поведения, которые присущи человеку,

что использует язык в качестве инструмента общения. То есть данный термин отражает особенности построения субъектом своих диалогов.

Языковая личность существует и зависит от уровня культуры языка, общественного сознания людей на различных уровнях как бытовом, так и научном, стереотипов ежедневного поведения, а также норм материальной культуры социума. Образ языковой личности характерен не только для конкретного носителя языка, но, в том числе, и для некой научной абстракции, которая является моделируемой сущностью.

Однако необходимо отметить сложность такого феномена, как языковая личность. Он подразумевает отфильтрованное и индивидуализированное знание языка, а также умение его использовать. В настоящее время, несмотря на актуальность проблемы изучения языковой личности, в современной лингвистике охарактеризованы в полной мере не все ее функциональные составляющие.

Речь каждого политика должна быть способна настроить на необходимый лад сознание большого количества адресатов, а также укладывать в систему ценностей потребителей данного политического дискурса. Тогда главной характеристикой грамотного политика является его умение согласно ситуации оперировать необходимыми выражением, ритуалами, символами, которые найдут отклик в сознании масс. В отношении речей российских политиков необходимо отметить, что их характерной чертой является значительное использование метафор, базирующихся на военной и медицинской лексике (битва за избирателей, дипломатические войны, атака на демократию, информационная война; шоковая терапия, находиться на пути к выздоровлению).

Каждый дискурс, не только в политической сфере, представляет собой направленное внушение с учетом системы ценностей реципиентов для изменения их мнений, намерений и мотивации действий в необходимую оратору сторону. Известный философ А. Шопенгауэр в

своих трудах подчеркивал, что искусство убеждения заключается в грамотном применении слегка заметно соприкасающихся для человека понятий. На основании таких возможностей осуществляются неожиданная смена и переоценка убеждений, в том числе и для самого оратора [Bancel, Blanchard, 2016, с. 156].

Необходимо отметить, что уровень успеха зависит от нескольких элементов. В его базисе заложены три основных составляющих, к которым относятся:

- установки по отношению к пропоненту;
- установки по отношению к содержанию сообщения в речи;
- установки по отношению к обсуждаемому объекту [Diallo, 2018, с. 77].

Первая представленная группа установок отражает уровень доверия либо симпатии к оратору, в то время как способность занять выгодные позиции в этой отрасли непосредственно зависят от искусства пропонета и характера адресата (например, патологическая доверчивость реципиента как положительный аспект убеждения, патологическая подозрительность – отрицательный). Задачей политика в процессе дискурса является изменение установок адресатов в нужную ему сторону, а также защита собственного положения, что может быть осуществлено посредством грамотной компоновки речи. Достижение успеха в ораторском искусстве возможно лишь путем создания для адресата ощущения самостоятельности и добровольности согласия с чужим мнением, а также его заинтересованности и удовлетворенности в рассматриваемом вопросе.

Для достижения максимальной эффективности политический дискурс должен быть выстроен в соответствии с определёнными требованиями, характерными для военных действий. Выступление оратора базируется на том принципе, что адресат сообщения точно знает, какая

отведена роль говорящему, за какую сторону он выступает, а также в чем его роль состоит. Кроме того, в основе речи лежит допущение, что реципиенту известно, что политик за некоторые положения выступает положительно (аффирмация), а против каких-то мнений и партий категорически отрицательно (негация) [Голобородько, 2018, с. 138].

Принадлежность к конкретной партии побуждает оратора к следующим действиям:

- в начале выступления четко обозначить его повод и обосновать его для реципиентов;
- подчеркнуть «репрезентативность» своей речи, путем оглашения своей принадлежности к какой-либо конкретной партии или фракции, что мотивируется тем фактом, что массовое зрелище более популярно, чем отдельное выступление;
- избегание собственных мотивов и мнений, что необходимо для акцентирования внимания на тематике выступления и социальной значимости вопроса, который волнует массы, а не только одного выступающего [Perevalova, 2020, с. 84].

Если сравнивать политический дискурс с военными действиями, необходимо отметить соответствие их целей – уничтожение боевой мощи и личного состава противника. В рассматриваемом случае, в качестве оружия выступают аргументы и мнения, в то время как в сами действия нацелены на уничтожение благоприятных характеристик личности противника, его дискредитацию в глазах последователей или приверженцев.

Отсутствие в речи политических фигур аргументации либо связанности никогда не бывает случайным. В некоторых случаях, для оратора достаточно лишь позволить реципиенту понять, что его интересы совпадают с выступающим. Для защиты таких интересов можно играть как на чувстве долга, так и на эмоциях адресатов. В качестве более

сложного, но эффективного хода, необходимо выделить использование слегка соприкасающийся в понимании слушателей понятий. Это позволяет добиться неожиданного результата: зачастую, происходят переходы от одних убеждений к другим, которые не являются планируемыми даже для самого оратора.

Успешность убеждения для политика значительно зависит от качеств личности, к которой он обращается. В зависимости от степени доверчивости человека, его установки посредством грамотной речи могут быть изменены в нужную оратору сторону, например, при помощи манипулятивных приемов.

Необходимо подчеркнуть противоречивость власти языка. С одной стороны, она должна быть кристально ясной для каждого мыслящего человека. Однако, в настоящее время очень часто возникают споры по поводу употребления каких-либо слов. И данные дискуссии бывают невероятно острыми, иногда сложнее и многограннее, чем споры по поводу каких-либо дел.

С другой же стороны, для эффективного влияния политиков на общества при помощи лингвистики необходимо, чтобы социум был неспособен в полной мере осознавать важность языка. Однако, сами ораторы далеко не всегда отдают главную роль в ведении успешного политического дискурса языку. Некоторые из них делают такие высказывания намеренно, не желая акцентировать внимание общественности на своей осведомленности и побуждать их к изучению данных аспектов. Но все же большинство в действительности не осознает важности и значения языка, считая его лишь способом репрезентации реальности. Другие и вовсе склонны к мнению, что речь – это всего лишь звук.

В то же время в современном социуме реальность – это и есть язык. Посредством него можно как убедить окружающих в чем-либо, так и

посеять сомнения в отношении какого-либо вопроса. Язык позволяет «убивать» и «подниматься на вершины» политического Олимпа.

Дискурсионный анализ в настоящее время проводится с различных позиций разными методами в связи с тем, что данная область знаний находится на стыке целого ряда общественных наук, например, стилистики, социологии, этнографии, лингвистики, семиотического направления литературоведения и других. Однако есть и некоторые фундаментальные посылки анализа. Рассмотрим их:

- ведущее значение в процессе коммуникации принадлежит людям, а не средствам общения;
- динамическая языковая модель основывается на коммуникации;
- коммуникативные ситуации, в которых происходит общение, должны рассматриваться в культурном контексте;
- рассмотрение текста как коммуникационного продукта должно учитывать выделение в нем нескольких измерений;
- коммуникация охватывает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;
- в рамках дискурсивного анализа статическая языковая модель не находит места применения, так как считается слишком простой.

Использование этих основных посылок способствует проведению более универсального дискурсивного анализа. Считается, что политический дискурс необходимо рассматривать не менее чем с 3-х позиций [Басырова, 2009, с.23.]:

- чисто физиологическая позиция, которая анализирует политический дискурс по аналогии с другими текстами, но в то же время учитывает идеологический фон;
- социопсихолингвистическая позиция, которая находит своё применение в проведении оценки успехов оратора в достижении политических целей;

- индивидуально-герменевтическая позиция, рассматривающая личные смыслы и мотивы автора или интерпретатора в специфических обстоятельствах.

Политический дискурс является важным инструментом для решения различных задач по анализу определенных ситуаций политической сферы. При этом вариативность позиций для рассмотрения дискурса подтверждает идею о взаимодействии данной дисциплины с другими общественными науками. Дискурс политической коммуникации имеет ряд особенностей, его основными характеристиками являются агрессивность, оценочность, эффективность, отстаивание своей позиции. В качестве предназначения политического дискурса выступает внушение прогнозируемых оценок и/или действий адресату. Распространена точка зрения, что понимание дискурса будет практически невозможно без обладания знаниями о скрытых мотивах и специфических сюжетных схемах, понимания политической обстановки, существовавшей в конкретную эпоху [Демьянков, 2002, с.43].

Полевой подход позволяет находить участки взаимодействия дискурса политической коммуникации с другими разновидностями дискурса, включая институциональный (научный, религиозный, юридический, рекламный, военный и др.) и неинституциональный (художественный и бытовой). Данный принцип в качестве основы использует характер текстовой референции и характеризуется как тематический содержательный принцип. Полевой подход считается наиболее релевантным подходом к рассмотрению политического дискурса большинством исследователей.

В современных реалиях наблюдается тенденция к сращиванию дискурса политической коммуникации и дискурса масс-медиа. Это обусловлено высокой ролью средств массовой информации в распространении информации, донесения ее до обширной аудитории и электората.

Говоря о креативности политического дискурса, следует отметить, что рассмотрение его функциональных особенностей возможно в двух планах. Первый вариант предполагает рассмотрение с позиции системообразующей интенции политического дискурса, а второй — с позиции выполнения схожих языковых функций. В качестве самой актуальной языковой функции обычно рассматривается регулятивная/побудительная функция. В настоящее время можно говорить об объединении референтной и магической языковой функций [Шейгал, 2004, с.33].

Выделение основных функций политического дискурса связано с его функциональной спецификой, которая находит свое отражение в его главной функции — использования в качестве инструмента политической власти. Эти функции часто рассматриваются в качестве аспектов проявления анализируемой ситуации: ориентация и интерпретация, функция контроля и побуждения, интеграция групповых политических субъектов, функции дифференциации, функции гармонизации и атональности.

Институциональность, характеризующая политический дискурс, не является его единственным основополагающим признаком. В их число также входят иные свойства, каждое из которых имеет свою специфику, которая связана с интенциональным влиянием дискурса в политике: дистанцированность, эзотеричность, фидеистичность, смысловая неопределенность, информативность, театральность и фантомность.

Рассмотрение политического дискурса как процесса кодирования-декодирования информации, которая связана с продвижением интересов определенного класса с использованием аппарата власти, находит своё отражение в динамическом подходе. Работа с этим подходом позволяет выделить три субъекта действия: автор (говорящий); прямой адресат (слушающий); адресат-наблюдатель (часто «народ»). При этом субъекты дискурса рассматриваются как его основные составляющие,

определяющие его структурные элементы. Особое внимание в этом подходе уделяется проблеме взаимодействия различных субъектов действия.

При изучении дискурса политической дискуссии особое внимание исследователей часто акцентируется на его отдельных жанрах: предвыборная кампания и парламентские дебаты, политическое интервью, новогоднее обращение, политическая программа, карикатура и листовка.

Существует точка зрения, что кроме специфического содержания политический дискурс обладает особой формой. В качестве подтверждения приводится использование в нём номинализированных конструкций-девербативов и безагенсного пассива, что говорит об особой грамматической структуре политического языка, а также инклюзивное использование личных местоимений. Согласно позиции И. Шейгала, данные грамматические структуры не являются специфическими для политического дискурса, так как используются в других видах коммуникации. При этом признается свойственность характерного содержания для политического языка.

Анализ социальных интересов представляется невозможным вне языковых форм выражения, которые оказывают значительное влияние на качественное отображение целей и мотивов субъектов дискурса политической дискуссии. Существует позиция, что политический дискурс соотносится не только с реальностью, по смыслу, но и субъектно, то есть со специфической группой или группами людей. [Архипкина, 2013, с.15.].

Данная позиция иллюстрирует невозможность одинакового отражения различных субъектов в политическом дискурсе. Применение институционального подхода иллюстрирует присутствие в любых коммуникативных пространствах политического дискурса строго обозначенной системы статусно-ролевых отношений. Взаимодействие

ролей и статусов происходит при помощи функций, которые способствуют укреплению социальных связей и контактов. При этом для каждой социальной группы характерен свой специфический политический язык.

Некоторыми исследователями политический язык рассматривается как критерий идентификации носителя этого языка с конкретной страной. При этом язык, на котором осуществляется политическая коммуникация, может выступать и как некий стратообразующий фактор. Согласно этому подходу коммуникативная ситуация с участием политического лидера и его электората происходит в заранее установленных условиях с учетом их групповой принадлежности и взаимодействия других политических субъектов. При этом рассмотрение политического языка способствует пониманию структуры будущей ситуации и тенденций её дальнейшего развития, поиску постпозиции носителя языка в социальной структуре.

Субъекты политического дискурса могут в определенных коммуникативных ситуациях использовать разнообразные виды стратегий. При этом каждая стратегия предполагает применение субъектами политического дискурса специфических инструментов для оказания влияния на адресата. Модель О.Н. Паршиной выделяет следующие стратегии:

- манипулятивная стратегия;
- аргументативная стратегия;
- агитационная стратегия;
- стратегия формирования эмоционального настроения адресата;
- стратегия убеждения;
- интерпретационная информативная стратегия;
- стратегия удержания власти;
- стратегия нападения;
- стратегия самозащиты;

- стратегия борьбы за власть;
- стратегия самопрезентации [Паршина, 2005, с.12].

Автор высказывает точку зрения, что использование тех или иных стратегий зависит от конкретных целей, поставленных политиком: укрепить авторитет, побудить электорат проголосовать за определенный политический институт, информировать адресную аудиторию о предмете речи, о своей позиции по определенной тематике, оказать влияние на эмоциональный настрой электората, убедить его в справедливости собственного мнения. При этом применение некоторых стратегий может быть ограничено из-за влияния культурных и национальных особенностей электората, его специфических склонностей и предпочтений [Паршина, 2005].

Особое внимание исследователь обращает на использование политиками различных речевых тактик в зависимости от стратегии речевого взаимодействия. При этом для достижения и актуализации одной и той же цели могут быть использованы сразу несколько тактик: например, побудить электорат проголосовать за определенную кандидатуру можно при помощи средств самопрезентации или используя тактику дискредитации оппонентов, либо же используя эти методы одновременно. На окончательный выбор оказывают влияние особенности ситуации коммуникации, а также характер языковой личности политика.

Автором также разработана модель классификации разнообразных коммуникативных стратегий и реализующих их тактик в дискурсе политической коммуникации:

- стратегии удержания власти: сюда входит стратегия формирования эмоционального настроения адресата, использующая тактики единения и обращения к эмоциям адресата с учетом его нравственных ориентиров, и информационно-интерпретационная стратегия, которая использует тактику признания проблемы и указания на конкретный путь ее решения;

- стратегии борьбы за власть включают стратегию нападения, которая использует тактику дискредитации оппонентов и обвинения, стратегию самозащиты, представленную тактиками оспаривания и оправдания, а также манипулятивную стратегию, формирующуюся при помощи различных демагогических приемов;

- стратегии убеждения состоят из агитационной стратегии, которая применяет тактики призыва и обещания, и аргументативной стратегии, которая использует тактику сопоставительного анализа и обоснованных оценок, а также тактику иллюстрирования;

- стратегия самопрезентации находит свое отражение в тактиках солидаризации, оппозиционирования и отождествления [Паршина, 2005].

В дискурсе политической коммуникации конкретные ситуации социального взаимодействия и тип языковой личности говорящего оказывают влияние на его тактические предпочтения и выбранные им стратегия, а значит, затрагивают всю специфику коммуникативного планирования. В связи с этим под речевой стратегией понимается направленность речевого поведения политика в определенной коммуникативной ситуации, которая, по его мнению, будет способствовать достижению намеченной цели.

Речевая стратегия учитывает особенности взаимодействия политических субъектов в рамках специфического исторического периода и культурных характеристик конкретной страны, лингвистические свойства языка, позволяющие использовать в выступлении лексическое манипулирование.

Выводы к Главе I

В настоящее время не существует общепринятого понятия дискурса политической коммуникации в связи с его многогранностью, универсальностью и широтой применения. Некоторые авторы приводят

различные классификации политического дискурса. При этом значение дискурса для современной лингвистики является неоспоримым.

В качестве политического дискурса рассматриваются формы взаимодействия в политике, которые имеют своей целью завоевание, сохранение и осуществление политической власти, а также наращивание политического влияния.

Несмотря на различия в классификациях, исследователями признается использование субъектами политического дискурса в процессе коммуникации разных видов стратегий и тактик для достижения поставленных целей.

Факт применения политическими деятелями языка в коммуникативных ситуациях с целью убеждения и манипулирования общественным мнением указывает на тесную взаимосвязь между лингвистикой и политикой.

На политический дискурс определенное влияние оказывает тип языковой личности политика, а также конкретные особенности коммуникативной ситуации. В зависимости от этих факторов политиком выбираются стратегии и тактики поведения в коммуникативной ситуации для достижения поставленных целей.

Политическими деятелями активно используются различные формы лексического манипулирования, заключающиеся в изменении значений слов или выборе специфических слов для обозначения объектов. Во время транслирования ораторских выступлений в массы политики преднамеренно применяют такие свойства языка, как трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность и многогранность значений один и тех же знаков, свободная подмена объективного субъективным.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ

2.1 Ключевые характеристики политического дискурса, применимые для устного перевода

С каждым днём возрастает важность политической коммуникации. Стратегия государства создаётся в зависимости от наибольшего распространения коммуникативной части и направленности на формирование такой среды, где общение определялось бы принципами и пределами смыслового порождения главенствующего дискурса. В то же время в некоторых странах использование политического дискурса серьёзно обогнало его понимание на теоретическом уровне.

Основная цель и тема политического дискурса выражена в инструментальном назначении и борьбе между конкретными политическими силами за завоевание, осуществление и сохранение власти.

Многие используют в качестве меры эффективности политического дискурса именно соответствие этой цели. Советский историк А.Г. Корсунский считает, что главная по значимости проблема политического дискурса – проблема признания [Корсунский, 2016, с. 109]. Параллельно с этим шаги, совершаемые посредством дискурса, можно рассматривать в качестве достижения других целей коммуникативного процесса (например, снижение авторитета оппонента, донесение своего мировоззрения до других людей). Эти цели зависят от личности и жанра политического деятеля и не имеют прямую связь с конкурентной борьбой за власть. Важность языка политики особенно увеличивается в условиях демократии и открытости власти.

В этой работе мы попытаемся определить характеристики политического дискурса. Начнём с такой особенности как множество жанров воплощения. Вспоминая первую главу, можно сказать, что жанр – это целеполагающая характеристика речи.

Доктор филологических наук Е.И. Шейгал отмечает, что неоднородность дискурса в области политической коммуникации заметна в возможных отличиях его жанрового пространства (например, по социокультурным особенностям и наличию событийной локализации) [Шейгал, 1998], [Шейгал, 1999].

В широком смысле политический дискурс состоит из личностно-ориентированной и статусно-ориентированной коммуникации. Поэтому появляется возможность разделять жанры политического дискурса по оси институциональности. Распределяя и последовательно располагая их от максимально институциональных до максимально неформальных (например, встречи глав государств, переговоры на международном уровне, пресс-конференции, политические дебаты, публичные выступления, слухи, обсуждение политических вопросов в семье и с друзьями).

Важно отметить, что для стратификации по субъектам политической коммуникации необходимо выделять не институциональные и институциональные виды общения.

Речевое поведение субъекта политического дискурса – сложное и составное понятие, которое обуславливается интенциями коммуниканта. Ради получения власти политики готовы использовать все доступные им методы [Клюев, 2016, с. 36].

В то же время авторы политических текстов скрупулёзно выбирают лучшие стратегии и тактики для осуществления политического дискурса. Индивидуальность, реализация и неповторимость речевых жанров осуществляются с помощью речевых стратегий.

В широком понимании виды жанры политического дискурса можно классифицировать как ритуальные и эпидейктические, ориентационные и агональные [Клюев, 2016, с. 36]. Исходя из данной классификации, дискурс может осуществляться, например, в речах политиков,

программах или дебатах перед грядущими выборами, политических статьях и так далее.

Разнообразие жанров обуславливается плюрализмом форм политических взаимодействия. Например, предвыборный дискурс обязательно формируется под влиянием избирательной кампании. Разнообразие типов политического дискурса может иметь «локальные» значения, при которых предмет взаимодействия оказывается в поле интересов всего лишь нескольких человек (например, появление нового политического лидера в маловлиятельной политической организации), однако он может распространиться в национальных и интернациональных масштабах.

К разнообразию взаимодействий в политической сфере, устанавливающих смысл этих взаимодействий и предоставляющих его участникам возможность рационального реагирования друг друга, относятся такие явления, как, например: оппозиционные шествия, процесс принятия политических решений, политические мероприятия различного уровня и так далее [Мкртчян, Борисенко, Самофалова, 2019, с. 153].

Важно отметить то, как разнообразные языковые группы моделируют свои культурные ценности. В качестве примера можно привести способы пропаганды и формирования социального порядка в обществе, путь установления «философской картины мира», который имеется у каждого языкового коллектива.

Постижение языковой картины мира конкретного государства или общества обязательно приводит субъект исследования к национально-культурным особенностям политического дискурса.

Изучив язык политики, можно определить менталитет народа, использующий его, а порой и идеологию. Разнообразие культур и культурного диалога веками создавали политический дискурс. В то же время мы воспринимаем его в качестве одного из основных средств

межкультурной политики, который помогает ей адаптироваться к изменяющейся среде, формироваться и функционировать.

Дискурс может показать нам не только автора, но и его внутренний мир и компоненты, создающие этот мир. Национально-культурные особенности создания политического дискурса имеют непосредственную связь с языковым сознанием коммуникатора или с языковой картиной мира. В основу этого заложены представления, выработанные в результате общественной практики, а не индивидуальной [Perrez, Randour, Reuchamps, 2018, с. 348]

Политические реалии противоречивы и соперничество за власть по принципу категоричного противопоставления «свой-чужой» продолжается и на политическом дискурсе, определяя в качестве его очередной составляющей амбивалентность. Необходимо отметить, что в ситуации, когда мир постоянно усложняется, мы видим следующее: политический дискурс соединён как с мировым политическим пространством, так и, что особенно важно, с лингвокультурным. Такая интеграция ведёт к двойственной характеристике, с одной стороны, сохранение собственного этнокультурного специфического кода, с другой - обязательное присоединение к собственным дискурсивным практикам индивидуально-личностных маркеров.

Политический дискурс узаконивает актуальную повестку дня. В политической сфере непрерывно происходит переоценка и изменение норм, задач и целей. Это говорит о невозможности формулирования, установления и обозначения его точных границ, так как взаимодействия между его составляющими усложняются [Шилина, 2017, с.117].

Не секрет, что время категорично ставит свои условия, и процесс коммуникации осуществляется в соответствии с актуальными правилами на конкретный временной период. В связи с этим нужно обращать внимание не только на мимолётность времени, но и на культурную

обстановку, а также, что первостепенно, разницу в языковом и образовательном уровне субъекта.

Понимание политического дискурса предполагает знание многих особенностей (например, автора, его аудитории, целей и др.), зависящих от определённого периода времени, что делает справедливым утверждение о непредсказуемости власти языка. Во-первых, эту власть должен понимать каждый. Во-вторых, обществу точно не стоит полностью осознавать важность влияния языка, но политикам следует это делать для улучшения воздействия на людей. Последнее даёт нам право говорить даже о некоторой степени «эзотеричности» политического дискурса.

Полисубъектность и уникальные коммуникативные роли участников политического дискурса определяют процесс выбора участниками политической коммуникации персуазивных стратегий речевого поведения манипулятивным контекстом по отношению к аудитории, который не всегда получается и/или не всегда обязательно скрывать.

Политический деятель представлен в качестве языковой личности, состоящей из конкретного набора характерных поведенческих моментов, получает крайне значимый статус. В то же время политический дискурс представлен в лицах. Важно отметить, что лицо политика можно рассматривать, как текст.

Сейчас политический дискурс устраняется присущее авторитарному дискурсу присваивание власти положительных признаков, сближается с «языком народа», однако демонстрирует большую вариативность, показывающую разнообразие политических идей в условиях демократии.

Не секрет, что основной принцип действия прагматизма (в данном случае-коммуникативного) это достижение определённых практических результатов. Политическая дискурсная практика реализуется в

определённом контексте и хронотопе в корреляции с конкретными смысло-жизненными ориентациями и целями его участников. Принимая во внимание важность соперничества за власть, дающую право в будущем устраивать контроль над обществом. Персуазивность воплощается в иерархии коммуникативных правил публичной речи с помощью системы актуализаций, то есть через структурное и семантическое выдвигание конкретных составляющих текста и часто в его сопоставлении с определёнными коммуникативными событиями в обществе и ответной реакции на них.

Не каждый раз опора на факты допустима. Следовательно, манипуляция сознанием, которая реализуется на политической арене, включена в область политического дискурса, обладая одной из его отличительных черт [Алёшина, 2017, с. 29].

В наше время политический дискурс содержит экспрессивность, яркость и мифологичность. Всё это изменяет содержание коммуникативной работы. Достичь цели и/или утаить свои истинные намерения можно с помощью мифологем, которые являются средством оптимального воплощения речевых целей, способных привести к необходимому объяснению информации. Если язык используется осознанно, то можно говорить о речевой манипуляции.

К речевым стратегиям манипуляции относятся промиссивы — это акты-обязательства, дающие обещание воплотить желаемое для адресата. В них возможны краткие изложения законопроектов и расчёты. Но экономически обоснованными их считать нельзя. В первую очередь промиссивы - речевые акты для «принятия на веру» [Войекова, 2013].

Личность политика обладает особым статусом, требующего соответствующее поведение. Сфера политики крайне важна, поэтому необходимо отметить большую личную ответственность политика при выборе дискурса. Неосознанно или сознательно выбранный политиком дискурс задаёт отношение не только самого политического деятеля, но и

его адресату к многочисленным задачам, стоящим перед ним, неминуемо появляющимся в процессе развития политической сферы.

Не стоит забывать о том, что в политическом дискурсе языковая манипуляция реализуется через искажения значений слов с помощью идеологичности, оценочности, модальности, подвижности семантики и прагматики слова, вариативности денотативных и коннотативных значений одинаковых языковых знаков под воздействием социальных, культурных и других факторов.

Язык в политическом дискурсе – это средство влияния, с помощью силы которого можно найти приоритет ценностной и оценочной (эмоциональной) составляющей перед составляющей фактологической (рациональной) [Vikialo, Rault, 2020, с. 8].

Проблемы, связанные с владением языком и неосвоенной культурой, перечёркивают благие порывы наших политиков сильнее, чем все интриги со стороны других государств. Любая реплика в политике влияет на общественно-политические события. Особенно заметна опасность недооценки влияния политического дискурса в государствах, только начинающих процесс демократизации.

Подводя итог, стоит отметить, что отличительные черты политического дискурса зависят от личностей, направленности реципиентам, коммуникативных навыков и, конечно, контекста.

Мы определили, что основными характеристиками политического дискурса являются: разнообразие жанров, прагматизм, неоднозначность, национально-культурная специфика, возможность объединения, многочисленность адресатов, манипуляторный характер, связь с социальными группами, динамичность, выразительность, дискуссионность, многообразие языка и большая ответственность автора за последствия коммуникации.

Политический дискурс показывает систему взаимоотношений на уровне «человек-общество» и значительно влияет на создание картины

мира его реципиентов [Седов, 2016, с. 67]. Такое совмещение содержаний создаёт новое содержание. Неудивительно, что политический дискурс всегда будет преобразовывать окружающий мир и влиять на участников борьбы за власть. В то же время при объяснении политического дискурса в широком смысле, будет неверно рассматривать только языковые явления, так как существует большая вероятность не понять его основу, то есть суть и цель.

2.2 Анализ политической речи в устном переводе на примере европейских политиков

Прежде чем приступить непосредственно к анализу примеров из политического дискурса, представленных выступлениями Николая Саркози, необходимо уделить внимание нескольким аспектам, связанным со спецификой анализируемого языкового материала. В рамках данного исследования объектом анализа является устная речь. Этот тип дискурса устроен не так, как письменная речь [Сиротинина, 1983]. В данном случае, так как в рамках работы мы имеем дело с устной речью очень низкой степени спонтанности, многими отличиями можно пренебречь. Однако *синтаксическая структура* устной речи не может быть описана полностью в терминах синтаксиса, применяемого для анализа письменной речи. Поэтому необходимым видится введение дополнительных терминов и некоторое пояснение принципов анализа. Новым термином, без которого сложно обойтись, является термин *элементарная дискурсивная единица* (далее – ЭДЕ) [Кибрик, Подлесская, 2009]. Есть разные подходы к определению ЭДЕ, в нашей работе, в соответствии с нашими целями (выявление именно тех особенностей политического дискурса, которые важны для устного перевода), мы принимаем ЭДЕ равной отрывку речи от паузы до паузы. Это несколько упрощенный подход, он даже может противоречить некоторым рекомендациям, но в данном случае такой подход полностью подходит

для выявления важных в рамках этой работы особенностей дискурса и позволяет не тратить внимание на ненужные аспекты.

Стоит заметить, что кроме ввода нового термина, необходимо сделать обратную операцию: отказ от использования какого-то аналогичного общеизвестного термина. Таковым является термин *предложение*. Теперь синтаксическая структура будет выглядеть так: слово – словосочетание – ЭДЕ – синтагма или фраза. Синтагма или фраза, таким образом, будет пониматься как смысловое и грамматическое единство нескольких ЭДЕ.

Кроме того, стоит сказать несколько слов об устном переводе и специфических особенностях именно этого вида перевода. Устный перевод делится на синхронный и последовательный. В последовательном переводе очень важно то, с какой периодичностью выполняется перевод, т.е. сколько фраз переводит переводчик за раз. Это количество очень ограничено, так как трудно держать в памяти большой объем текста на исходном языке и при этом осуществлять перевод новой информации и помнить уже переведенное. Об этом см. [К.Р. Миньяр-Белоручев, 1996]. Материал для анализа должен был соответствовать нескольким критериям. Во-первых, это должны были быть записи политических выступлений Николя Саркози, так как был выбран в качестве исследования дискурс именно этого политика, а во-вторых, должны были быть доступны как видео и стенограммы выступлений, так и перевод хотя бы на один из языков (русский или английский). Материал, на основе которого было проведено это исследование, отвечал обоим этим критериям.

В рамках работы были проанализированы речи Николя Саркози на XIX конференции послов, выступление на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 и выступлении в Дакаре в 2007 году. Анализировались видеозаписи мероприятий, а также французская и английская стенограммы. Перевод на русский был

доступен только для выступления в Петербурге, русские переводы остальных примеров проведены автором работы. Список стенограмм и ссылки на видеозаписи указаны в источниках. Анализ осуществлялся с учетом особенностей политического дискурса и прагматического подхода (помимо семантического) к описанию лексики. Сначала были проанализированы синтаксические особенности, потом сделано несколько замечаний по поводу темпа речи, а потом был произведен анализ употребления лексики.

Перед началом непосредственного анализа нужно заметить, что синтаксис французского языка в целом сильно отличается от синтаксиса русского. И тем более это касается синтаксиса устной речи. Поэтому в рамках данной работы, что естественно, не будут разбираться любые синтаксические отличия, только те из них, которые по какой-то причине могут стать проблемой при переводе на русский или предоставляют неочевидный выбор между несколькими вариантами перевода.

Первый пример кажется достаточно тривиальным, поэтому мы остановимся на нем только один раз.

ЭДЕ	Английский перевод	Русский перевод
comme l'année de progrès //* majeurs	as a year of major progress	как год значительных продвижений

* - специальные символы: «//» - повышение тона и/или интонации, «\» - понижение.

Этот случай демонстрирует достаточно частотное и тривиальное явление, которое, тем не менее, необходимо учитывать при переводе. Согласно правилам французского синтаксиса, прилагательные обычно ставятся после существительных. И при этом другим частым явлением, как в данном случае, является попадание интонационного акцентирования на это прилагательное. Эти явления необходимо

учитывать при переводе: во-первых, после использования существительного стоит подождать несколько секунд или оценить по скорости речи и интонации, насколько возможно появление прилагательного. А, во-вторых, в зависимости от самого прилагательного, возможны два варианта перевода: с сохранением интонационного акцентирования или заменой слова на более экспрессивное. Этот выбор зависит только от контекста и конкретной коммуникативной ситуации, а также особенностей языковой личности говорящего и его коммуникационной стратегии в целом.

Другой похожий, но более сложный пример связан с употреблением вводных слов. Они тоже часто ставятся после связанных с ними конструкций:

ЭДЕ	Английский перевод	Русский перевод
Au sud du Sahara // d'abord \\\ avec la reconnaissance de l'élection du président Ouattara en Côte d'Ivoire	First south of the Sahara, with the recognition of President Ouattara's election in Côte d'Ivoire	Начиная с юга Сахары, где было признано избрание Оуттара президентом в Кот Д'Ивуар

Не будем долго комментировать этот пример, лишь отметим, что такое встречается часто и что, в отличие от прилагательных, вводные слова (которые в целевом языке надо ставить в начало) могут встречаться после очень длинных конструкций, что делает невозможным просто подождать их появления или предсказать его. В таких случаях при переводе эти слова нужно или игнорировать, или заменять другими вводными конструкциями, которые и в целевом языке могут быть поставлены после высказывания.

ЭДЕ	Английский перевод	Русский перевод
Entre le Sénégal et la France	Between Senegal and France	Между Сенегалом и Францией
<u>l'histoire a tissé les liens</u> d'une amitié	history has woven ties of a friendship	<u>История</u> <u>сплела</u> крепкие узы дружбы

В этом примере интересными представляются подчеркнутые конструкции. Для французского языка приемлемо вынесение таких конструкций перед предикацией, тогда как в русском подобные случаи в большей или меньшей степени нарушают или правила синтаксиса, или стилистики. Поэтому при переводе подобных примеров нужны дополнительные синтаксические преобразования. В данном конкретном случае это не необходимо, но в других может оказаться очень важным.

Можно было бы подробно рассмотреть еще много таких случаев, но и без этого видно основную проблему, которая возникает в сфере синтаксиса при переводе с французского на русский (и не только на русский): несовпадение положения друг относительно друга вводных слов, определений и иногда целых кусков высказывания, конструкций. И, как правило, французский «опаздывает»: то, что в русском надо сказать в начале высказывания/перед конструкцией, во французском говорится после. Кроме того, бывают случаи, когда при переводе на русский какой-то элемент дискурса лучше перевести в качестве придаточного элемента, помещенного в середину главной части высказывания. Это очень важно учитывать при осуществлении устного перевода.

При анализе скорости речи и факторов, связанных с ней, необходимо помнить о нескольких вещах. С одной стороны, скорость разговорной французской речи значительно выше, чем русской. Но с другой стороны, политический дискурс характеризуется низкой степенью спонтанности, пониженной скоростью речи и усиленным

интонационным акцентированием. Поэтому скорость русской политической речи не сильно отличается от скорости французской. К примеру, средняя скорость речи на выступлениях Николя Саркози – от 1,9 до 2,5 слов в секунду. Пример из русского политического дискурса: скорость речи при обращениях В.В. Путина колеблется в среднем от 1,6 до 2,1 слов в секунду (на основании анализа записей последних выступлений В.В. Путина). Русская речь несколько медленнее, поэтому по возможности стоит воздерживаться от длинных слов при переводе на русский, но проблемой, требующей специального рассмотрения, это не является. В целом, стоит заметить, что удобная скорость перевода зависит от национальности переводчик (а точнее, от его родного языка) и является средней скоростью родной речи переводчика или медленнее. Стоит только добавить, что скорость речи при выступлении – индивидуальная характеристика, поэтому при определении стратегии перевода в конкретных условиях следует ознакомиться с речевыми особенностями говорящего (например, в рамках всех выступлений Николя Саркози придерживается примерно одной и той же средней скорости речи. Его речь становится чуть более медленной, когда он говорит с аудиторией, для которой французский может оказаться менее знакомым или вовсе незнакомым языком, как на выступлениях в Дакаре или на ПМЭФ).

Лексика в политическом дискурсе – очень важный инструмент риторики. При помощи лексических приемов и выбора «правильной» лексики можно существенно усилить влияние речи. Николя Саркози, как и многие политики, в своих выступлениях использует многочисленные определения и эпитеты: «*amitié est forte et sincère*», «*progrès majeurs*» и другие.

Кроме того, широко использовались метафоры: «*blesure ouverte dans l'âme de l'homme noir*» («открытая рана на сердце темнокожих»); «*le visage de tous les hommes du monde*» («имеют такое же лицо, как и все люди мира») [Sarkozy, 2007, Электронный ресурс:

https://www.lemonde.fr/afrique/article/2007/11/09/le-discours-de-dakar_976786_3212.html] и так далее. Также стоит отметить метафорическое употребление местоимения: «...votre souffrance sont les nôtres et sont donc les miennes» (там же). («Ваши страдания также и наши и даже мои собственные»). Это не отдельная метафора, это дополнение к уже существующей метафоре, включение себя в нее. Это главная функция подобных случаев употребления местоимения: приближение себя к слушателям, демонстрация того, что говорящий разделяет чувства и переживания слушающих. Такие приемы очень часто используются в политических дискурсах на любых языках для повышения внимания и благосклонности слушателей.

Другой, уже не совсем лексический, но близкий прием, это цитирование. В речи Николя Саркози неоднократно прибегает к этому приему, вот один из примеров: «Et l'homme noir qui éternellement *"entend de la cale monter les malédictions enchaînées, les hoquettements des mourants, le bruit de l'un d'entre eux qu'on jette à la mer"*» [Sarkozy, 2007, Электронный ресурс: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2007/11/09/le-discours-de-dakar_976786_3212.html]. Это цитата из стихотворения, в таких случаях лучше всего приводить перевод этой поэмы на целевом языке, однако в случаях устного перевода это далеко не всегда оказывается возможным. В таких случаях кажется наиболее хорошей стратегией добавить на целевом языке фразу: «разрешите мне вставить цитату по этому поводу» и дальше осуществить примерный перевод.

Все эти приемы необходимо учитывать при переводе. Интересным с этой точки зрения является то, что во французском политическом дискурсе (во всяком случае, на основе материалов исследования) меньше употребление фразеологизмов и больше эпитетов и метафор. В большинстве случаев эти приемы не представляют особой сложности при переводе. Однако стоит помнить общий принцип перевода эпитетов и

метафор: важна не буквальность, а адекватная передача мыслей и образов говорящего.

Стоит отметить еще одну особенность лексики во французском политическом дискурсе. Из-за того, что французский язык широко употребляется не только во Франции, но и в Африке и Канаде, при выступлении говорящий должен особо тщательно соблюдать равновесие между употреблением специальной политической лексики и официальным стилем и удобством для восприятия, понимания носителями других культур. Поэтому (и в ходе анализа это подтверждается) во французском политическом дискурсе сравнительно немного сложных политических терминов и много литературных или околослитературных эпитетов и метафор. Часто встречается и пояснение слов и выражений: «*Cette souffrance de l'homme noir, je ne parle pas de l'homme au sens du sexe, je parle de l'homme au sens de l'être humain et bien sûr de la femme et de l'homme dans son acceptation générale*». [Sarkozy, 2007, Электронный ресурс: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2007/11/09/le-discours-de-dakar_976786_3212.html] Здесь кажется нужным упомянуть, что этот отрывок взят из выступления 2007 года, когда еще так часто не наблюдалась проблема феминизма, поэтому можно более-менее уверенно утверждать, что это высказывание обусловлено именно вниманием к восприятию слушателей, ориентацией на их языковой уровень и социальный бэкграунд, а не мотивировано социально-культурными явлениями, связанными с феминизмом. Кроме того, нужно сказать, что при любом переводе эта фраза часть смысла потеряется, поскольку в русском языке слово «человек» не совпадает со словом «мужчина». Поэтому фраза, в которой Саркози разводит эти два понятия и делает на этом акцент не поддается переводу без потери смысла. При любом способе перевода получится примерно следующее: «Эти страдания темнокожих людей, я не говорю о человеке в смысле пола, я говорю о

человеке как о существе, принадлежащем к человеческому роду и, конечно, и о женщине, и о мужчине в общем плане».

Выводы к Главе 2

Во французском политическом дискурсе, как и в любом дискурсе этой области на любом языке, присутствует множество лексических и синтаксических приемов. Наибольшую проблему при переводе составляют особенности французского синтаксиса, связанные с порядком слов. Эти проблемы не имеют единого решения, способ перевода определяется конкретным контекстом и коммуникативной ситуацией. Синтаксические проблемы можно разделить на три группы по масштабу:

- Несовпадение порядка элементов на уровне словосочетания из двух-трех слов (например, существительное + прилагательное);
- Несовпадение порядка элементов на уровне конструкций (вводное слово + конструкция);
- Несовпадение порядка элементов на уровне больших конструкций и двух частей предложения (если описывать это в терминах «классического» синтаксиса).

И на две группы по порядку следования элементов:

- Во французском элемент дискурса ставится позже, чем в русском;
- Схема следования элементов полностью различна (например, в русском варианте одна из конструкций должна быть внутри другой).

Последний случай для наглядности можно проиллюстрировать примером, ранее встречавшимся в работе: фразу «Между Сенегалом и Францией история сплела крепкие узы дружбы» лучше перевести как «История сплела между Сенегалом и Францией крепкие узы дружбы». Хотя в данном случае первый вариант допустим в равной степени: «История сплела крепкие узы дружбы между Сенегалом и Францией».

Скорость речи необходимо дополнительно учитывать только в отдельных случаях, этот параметр является вариативным и зависит от

личности говорящего. Французская речь ненамного быстрее русской в контексте политического дискурса. Подтверждение этого можно хорошо услышать в видеозаписи выступления Саркози на ПМЭФ. Там одинаково хорошо слышна как речь Николя Саркози, так и речь переводчика. Заметно, что темп речи на обоих языках примерно одинаковый, не нужно прилагать дополнительных усилий, чтобы сделать темп речи привычным.

Лексические приемы французского политического дискурса в основном представлены эпитетами и метафорами, встречается цитирование. В целом эти приемы не сложны в переводе, однако стоит помнить, что при переводе лексических приемов в большинстве случаев должен быть использован функционально-семантический подход, то есть поиск аналогов в целевом языке должен происходить по содержанию, прагматическому или семантическому, а не по форме. Конкретные лексические приемы и стратегии зависят от конкретной языковой личности и ее культурного, языкового и социального бэкграунда, а также обусловлены целями коммуникации и другими ее участниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были в полной мере описаны элементы французского дискурса, которые могут представлять собой проблему при переводе на русский, и в сфере лексики, и в сфере синтаксиса. Были также сделаны замечания по поводу скорости речи и ее влияния на перевод.

Подводя итоги, представляется необходимым добавить, что политический дискурс, несмотря на официальность стиля и направленность на широкие массы, непременно несет на себе отпечаток языковой личности говорящего, является в большей или меньшей мере реализацией этой личности. Поэтому, кроме сугубо языковых, синтаксических и лексических средств, при переводе всегда должна учитываться языковая личность говорящего, так как именно характеристики этой личности определяют способ использования этих средств. А так как культура и социальный бэкграунд – одни из важнейших элементов языковой личности, эти два фактора всегда должны учитываться при переводе. Причем это внимание должно быть направлено в две стороны: как на говорящего, для того чтобы правильно понять его мысли, образы и цели в коммуникации, так и на слушающих, чтобы адекватно передать полученную информацию. Поэтому при подготовке к переводу важно не только изучить культуру страны как исходного, так и целевого языка, но и ознакомиться с материалами предыдущих выступлений человека, перевод речи которого планируется осуществлять, для того чтобы лучше понять особенности его языковой личности и привыкнуть к темпу речи и особенностям дикции или постановки интонационных акцентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёшина Е. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. – Litres, 2017.
2. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений //Русистика. – 2017. – Т. 15. – №. 3.
3. Голобородько А. Ю., Стеценко В. В., Рудковский А. А. Семиотическое пространство «сближения» актуального педагогического и политического дискурсов современной России в контексте укрепления культурной безопасности (к постановке вопроса) //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – №. 3. – С. 136-142.
4. Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) (2009) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК.
5. Ключев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. – Directmedia, 2016.
6. Корсурский А.Г. Политический дискурс в работах современных французских философов, 2016
7. Махина А. И., Коптякова Е. Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования //Мир науки, культуры, образования. – 2020. – №. 1 (80).
8. Миньяр-Белоручев К.Р. Теория и методы перевода - М.: Московский Лицей, 1996
9. Миронова Н. Н. Политический дискурс vs оценочный дискурс // Политический дискурс в России: Мат-лы рабочего совещания (Москва, 30 марта 1997 года). М., 1997. – С. 41-50.
10. Мкртчян Т. Ю., Виктория Борисенко, Марина Самофалова, Вербальная репрезентация образа политики в политическом дискурсе. Прагмалингвистический подход
11. Перевалова Е. А. Коннотация идиоматических выражений в политическом дискурсе во французских средствах массовой информации //Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №. 3 (93) Часть 2. – С. 82-86.
12. Самович П. Г. Особенности электоральной практики, избирательного процесса во Франции //Наука. Исследования. Практика. – 2020. – С. 32-36.
13. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. – Лабиринт, 2011.
14. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983.
15. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 2 с. 259-266

16. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – №. 3.
17. Шилина С. А. Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации // Вестник российского университета дружбы народов. серия: социология. – 2017. – Т. 17. – №. 1.
18. Bancel N., Blanchard P. L'ethnicisation des discours politiques // Vers la guerre des identités? De la fracture coloniale à la révolution ultranationale. – 2016. – С. 155-169.
19. Berjaud C. Cinq sur cinq, mi comandante!. Contribution à l'étude des réceptions des discours politiques télévisés. – Dalloz, 2016.
20. Bikialo S., Rault J. Les mots d'ordre dans le discours politique contemporain // Colloque international Le mot dans la langue et dans le discours 3: la construction du sens. – 2020. – С. <https://www.constructiondusens.flf.vu.lt/>.
21. Diallo D. La résonance du discours politique dans le rap américain // Mouvements. – 2018. – №. 4. – С. 73-81.
22. Homo institutus. – Человек институциональный : монография / под рею д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград : изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.
23. Perevalova E. A. Connotation of idiomatic expressions in political discourse in french media // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №. 3 (93) Часть 2. – С. 82-86.
24. Perrez J., Randour F., Reuchamps M. Les discours politiques comme registres textuels: une approche linguistique // Didactif 2018: Les disciplines enseignées: des modes de penser le monde. – 2018.

СПИСОК СТЕНОГРАММ И ИСТОЧНИКОВ

1. Sarkozy N. Discours de Nicolas Sarkozy à la XIXe conférence des Ambassadeurs de France [Электронный ресурс] / N. Sarkozy – 2011 – Режим доступа: <https://www.voltairenet.org/article171298.html>
2. Sarkozy N. XIXth Ambassador's of France Conference Speech [Электронный ресурс] / N. Sarkozy – 2011 – Режим доступа: <https://www.voltairenet.org/article171336.html>
3. Sarkozy N. Sarkozy: Discours a l'occasion de la 19ème conférence des ambassadeurs à l'Elysée / N. Sarkozy – 2011 – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=2shRn1O6tBA&list=PL1R9efchNtfAXJTWjsC_OFSr_z_24ywNJ&index=6&t=0s
4. Sarkozy N. Le discours de Dakar de Nicolas Sarkozy [Электронный ресурс] / N. Sarkozy – 2007 – Режим доступа: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2007/11/09/le-discours-de-dakar_976786_3212.html

5. Sarkozy N. The Unofficial English Translation of Sarkozy's Speech [Электронный ресурс] / N. Sarkozy – 2007 – Режим доступа: <https://www.africaresource.com/essays-a-reviews/essays-a-discussions/437-the-unofficial-english-translation-of-sarkozys-speech>

6. Allocution à l'université de Dakar, Sénégal [Электронный ресурс] / N. Sarkozy – 2007 – Режим доступа: <https://www.dailymotion.com/video/xc7llj>

7. Николя Саркози выступает с докладом в рамках проекта «Беседы с выдающимися людьми» на ПМЭФ-2016 [Электронный ресурс] / Н. Саркози – 2016 – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SjIRipiAUX8>